

ВЫСОВШЕ и РАВНЫЕ

Александр Данилов

Высшие и Равные

«Автор»

2026

Данилов А.

Высшие и Равные / А. Данилов — «Автор», 2026

"Они жили на верху-мы выживали внизу." Тёмное фэнтези о мире, где твоё место определено с рождения. И о тех кто осмеливается посмотреть наверх.

© Данилов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ильдин.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Александр Данилов

Высшие и Равные

Глава 1. Ильдин.

Бухта Ильдин в этот ранний час напоминала растревоженный муравейник. Она была вырезана в скалистом берегу наподобие гигантской подковы, защищенной от открытого моря двумя каменными косами, что уходили в воду, словно клешни краба. На их оконечностях, там, где волны разбивались о камни, век назад поставили маяки чайки вили гнезда прямо в трещинах кладки. Сама вода в бухте, даже в утреннем свете, казалась тяжелой, маслянистой, цвета старого свинца — отбросы с кораблей и портовых боен делали свое дело.

Торговая гавань, раскинувшаяся у подножия Черной скалы, жила своей жизнью, не затихающей ни на миг. Десятки судов теснились у причалов — от грузных пузатых коггов, способных увезти в своем чреве сотню быков, до юрких шхун для быстрых доставок. Погрузка шла по-военному слаженно, хотя стоял невообразимый шум.

У самых больших причалов, там, где вода была глубже, стояли три корабля они отличались от всего остального были чистыми борты блистели как золото паруса были белоснежными сияли как шелк.. К ним вели широкие сходни. В один корабль грузчики, обливаясь потом, таскали тяжелые мешки с зерном. Мешки были добротные, холщовые, с нашитыми бирками с гербами — каждое зернышко шло на учет, каждая мера была сосчитана в амбарах губернаторов. У другого стоял отдельный загон, куда загоняли скот. Быки мычали, упирались, не желая подниматься по трапам в трюмы, и матросы охаживали их палками, матерясь сквозь зубы. Овцы блеяли жалобно, тонко, и их блеяние смешивался с криками чаек и скрипом лебедек. В третий корабль поднимались молодые девушки в красивых платьях.

Отдельно, под навесами, грузили ящики с вином — их опускали в трюмы осторожно, на веревках, чтобы не разбить драгоценную тару.

Выше гавани, над всей этой суетой, нависал город. Он лепился к склону Черной скалы, словно птичьи гнезда к отвесной стене. Дома здесь были прижаты друг к другу, тесные, с черепичными крышами, с балконами, нависающими один над другим так, что соседи могли подать друг другу руку через улицу. Узкие, кривые улочки, вымощенные булыжником, петляли между ними, то поднимаясь вверх лестницами, то ныряя в темные арки. Воняло здесь не столько рыбой, сколько отбросами, что выплескивали из окон прямо под ноги прохожим, и дешевыми благовониями, которыми торговцы пытались перебить эту вонь в своих лавчонках. Этот город жил своей, особой жизнью — жизнью ремесленников, воров, продажных женщин и отчаявшихся бедняков.

И надо всем этим, на самой вершине Черной скалы, возвышался замок.

Он был не просто строением — он был утверждением власти, высеченным в камне. Массивные стены из черного базальта, добытого, как говорили, в каменоломнях самого Ада, уходили в небо на добрых пятьдесят локтей. Башни — взмывали вверх острыми шпилями, на которых, даже сейчас, на рассвете, горели магические огни, не затухающие ни днем, ни ночью. Главная башня, Донжон Власти, была выше остальных, и на ее плоской вершине, говорят, был разбит сад, где росли деревья, привезенные с далекого континента короля.

Замок не был единым целым с городом. Между последними лачугами и первыми укреплениями лежала широкая, пустая полоса — выжженная земля, где не росло ни травинки. Там, на этом пустыре, патрулировала стража, и любого, кто осмеливался ступить на эту землю без разрешения, ждала смерть на месте. Это был не просто ров или укрепление — это было напо-

минание. Напоминание о том, что те, кто внизу, и те, кто наверху, разделены не просто расстоянием, а пропастью, которую нельзя перейти.

В скале, прямо под замком, были вырублены ворота — единственный путь наверх. Широкая дорога, вымощенная белым камнем, серпантинном вилась по склону, охраняемая тремя рядами укреплений. Подъем по ней занимал час быстрым шагом, но для тех, кто жил внизу, это была дорога в один конец — если только ты не нёс дань или не вёз провизию к столу господ.

Сейчас, в утреннем свете, замок казался особенно прекрасным и особенно чужим. Солнце золотило его шпили, играло на витражах окон, и он сиял там, наверху, как драгоценность в короне, до которой простым смертным никогда не дотянуться.

Сэм смотрел на этот замок и чувствовал, как в груди поднимается знакомая, глухая злоба. Злоба на то, что где-то там, за этими стенами, люди просыпаются в шелках, едят с золота и пьют вино, пока здесь, внизу, рыбаки доедают вчерашнюю уху и молятся, чтобы сети не порвались. Эта злоба была с ним столько, сколько он себя помнил.

Именно здесь, в этом царстве упадка, шестнадцатилетний Сэм помогал своему дяде Эрну перебирать улов.

Эрн, мужчина с лицом, словно вырезанным из старого дуба штормами, молча перебирал серебристые тушки сельди. — Красного тунца — в ящик с льдом. И крабов побольше. Не этих, — он пнул ногой мелкого краба, — а тех, что с синим панцирем. Для Замка. — Опять для них, — пробормотал Сэм, с силой швыряя тунца в указанный ящик. Его руки, сильные от работы, были покрыты сетью мелких шрамов и вечно пахли рыбой. Эта вонь въелась в него, как в смоленые доски их хижины. — Не бормочи. Благодаря им у нас есть медные монеты, а не просто рыба на ужин. — Благодаря им у нас нет ничего, кроме рыбы на ужин, а монеты ты пропиваешь в таверне — огрызнулся Сэм, но тихо, чтобы дядя не расслышал. Он смотрел поверх крыш лачуг туда, где на отвесной Черной скале, подобная наглому стражу, возвышалась цитадель губернатора. Ее башни, даже в утренней дымке, сверкали бледным мрамором. Там, наверху, жил губернатор и те, кто ему служил. Они правили, они владели, они потребляли. А он, Сэм, лишь поставлял для их стола свежую плоть моря.

— Мечтаешь опять? — рядом возник Льюис, его единственный друг. Лицо Льюиса всегда было грязным, но глаза смеялись. — Вижу, ты уже мысленно там, в замке, в шелках, и тебе подадут жареного павлина на золотом блюде. — Мечтаю не о павлинах, — хмуро ответил Сэм. — Мечтаю чтобы все это смыло одним большим приливом. Или чтобы я смог сбежать туда, где нет этого вечного запаха и этих вечных подачек. — Куда? В других губерниях может быть еще хуже, чем здесь, — флегматично заметил Льюис. — А вот жареный павлин — это идея.

К обеду, когда корзины были набиты огромными синими крабами и отборными моллюсками, в гавань прискакал гонец. Его лошадь, породистая и нервная, выглядела чужеродным существом среди ослов. — Губернаторы прибывают на «Пир Прилива»! — прокричал гонец, не слезая с седла. — Проверьте поставки. Малейший брак — и ваша лицензия пойдет на растопку! А вы сами — следом! Сэм сжал кулаки. «Пир Прилива». Пока они будут пировать и есть крабов, деревня будет доедать вяленую треску.

— Нужно выдвигаться, доставить все корзины в замок, — сказал Эрн, обращаясь к Сэму. — Будь аккуратен. Он неожиданно провел грубой, шершавой ладонью по голове племянника. Жест был непривычный, почти нежный. Сэм отдернулся. — Что с тобой? Я не первый раз доставляю. — Просто будь, — глухо ответил Эрн, и его взгляд, обычно твердый, как скала, на миг ушел в сторону. Сэм, не понимая этой внезапной заботы, лишь пожал плечами и вскарабкался в повозку рядом с Льюисом. Эрн долго смотрел вслед уезжающей телеге, пока та не скрылась за поворотом дороги, ведущей вверх, к Черной скале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.